

Иван Александрович Гончаров

Е Е Барышов

**Гончаров Иван
Александрович
Е Е Барышов**

И. А. Гончаров
Е. Е. БАРЫШОВ

6-го октября скончался скоропостижно, от апоплексического удара, здесь, в Петербурге, некто Ефрем Ефремович Барышов.

Имя - почти неизвестное в литературе: только в прошлом и нынешнем годах появились в печати и прошли едва замеченными переводы его, в стихах, двух трагедий Корнеля: "Сида" и "Родогуны" и "Каина" Байрона. Между тем вся жизнь Барышова, смолоду, в течение каких-нибудь сорока или пятидесяти лет, была посвящена литературе: редко можно встретить пример такого страстного напряжения сил, какие он положил, чтобы достигнуть серьезного значения в литературе, на какое бы ему давали право - его пытливый ум, многосторонние познания и непрерывный труд.

В этом отношении, т. е. как образец само-бытной, цельной натуры, непреклонной силы воли и несокрушимой энергии в стремлении к избранным себе целям - жизнь покойного заслуживает общественного внимания.

Кончив курс в московском университета, в

начали 30-х годов, по словесному факультету, он прямо от лекций лучших тогдашних профессоров словесности и эстетики, Надеждина, Давыдова и Шевырева - перешел к делу, к работам в области изящного. Он увлекся на этот путь общим стремлением на него молодежи, с свойственной юности самоуверенностью и самолюбием. Словесники были тогда в первых рядах общества, самыми видными, а при таланте - блестящими и почти единственными представителями интеллигенции. Выбирать было не из чего: других каких-нибудь специальных сфер умственной, ученой, технической деятельности, на которых можно бы было испытать свои способности и силы для жаждущих труда и дела - не представлялось, особенно деятельности независимой, самостоятельной. Были, конечно, науки, была и небольшая группа ученых людей: физиков, химиков, физиологов, но все это пряталось в тени ученых приютов, академий, университетов, а в общество, в практическое дело, исключая разве медицины, почти не переходило, а если и переходило иногда, то больше по казенной надобности: ученые были непре-

менно и чиновники.

Поэтому и Барышов, как многие тогда, искавшие своего пути и призвания, примкнул к словесникам, начал писать стихи, потом драматические пьесы, повести, кроме того, еще изучил вполне технику музыки и попробовал свои силы и в сочинении: но из этого всего напечатал только какую-то поэму, да несколько романсов. И то, и другое прошло незамеченным, и лишь вызвало два-три мимоходных отзыва в журналах.

Тут его постигло первое разочарование: уложив несколько лет в бесплодную и неблагодарную борьбу, он, конечно, сознал, что творчество в изящном - не его сфера, что здесь труда, энергии и непреклонной воли мало, и нужна искра того огня, который зовется "священным", и который не покупается усилием, а посылается природою на избранные головы - даром. Словом - талант.

Всякого другого такое разочарование в своих силах и способностях могло бы навсегда охладить к попыткам к какой-нибудь творческой деятельности. Но эта упорная борьба, кажется, только раздражила еще более энергию

Барышова; он остановился на время, как будто собираясь с силами, продолжая, между тем, читать, изучать то, другое, третье, что попадалось под руку. И в то же время он был педагогом, преподавал словесность, и кажется, историю, в разных учебных заведениях. Всего этого было мало для его ненасытного трудолюбия. Аналитический ум, знание математики повели его от поэзии и музыки в противоположную сторону, на поле точных наук: но и здесь он избрал ту из них, в которой открывался широко простор для творческого ума - именно механику. Ему представлялась бесконечная, заманчивая даль открытий и изобретений: пища богатая, но доступная опять-таки тем же творческим силам, в которых ему, очевидно, было отказано.

Он задался некоторыми задачами из механики, изучил всю литературу этой науки, на трех языках: французском, немецком и английском, составлял планы изобретений, чертежи, проекты - все образчики изумительного терпения, знания, силы воли - и только.

Он со своими задачами перебрался из Москвы в Петербурга - отыскивать им хода,

но, потерпев в компетентных сферах неудачу и окончательно разочаровавшись в своих творческих силах, он отказался от дальнейших претензий и попыток на этих путях. Зная основательно иностранные языки, он занял место переводчика в одном из департаментов министерства финансов, и в то же время сделался одним из скромных, неизвестных публике тружеников в литературе, имя которым легион. Он переводил и компилировал статьи в политических обзорах для газет, между прочим, участвовал в составлении ученого библиографического отдела в "Отечественных записках", под редакциею А. А. Краевского и С. С. Дудышкина.

Но втихомолку, про себя, и кажется, только для одного себя, он платил дань старой привязанности к изящным произведениям литературы. Отказавшись от самостоятельной авторской деятельности, он обратился к переводам! Кроме трех вышепоименованных переводов из Корнеля и Байрона, он перевел еще несколько поэм Байрона, может быть, что-нибудь еще, что осталось в его портфеле, потому что он почти никому не говорил о

своих трудах и едва ли имел в виду печатать эти переводы. Он удовлетворял более всего собственную жажду труда, и, вероятно, немногим близким ему людям стоило немало настойчивости, чтобы вызвать его на откровенность, и особенно, чтобы побудить его отдать что-нибудь в печать.

Так, сидя у себя совершенным затворником, он совершил, между прочим, огромный подвиг: перевел обе части "Фауста" Гете!!

Что сказать о его переводах?

В печати, при появлении "Каина", "Сида" и "Родогуны" в свет, в журналах мимоходом, вскользь, сделано было несколько неодобрительных замечаний о них - и надо признаться не совсем незаслуженных. Стих неровный, местами тяжелый, несвободный: видно было, что главною задачею переводчика было как можно ближе держаться подлинника.

При более внимательном прочтении критика могла бы, конечно, усмотреть и поставить ему в некоторую заслугу самую верность перевода и - из уважения к труду - указать на удачно переданные места. Но этого не сделано.

Большая часть первой части перевода "Фауста" и некоторые места второй были, года два тому назад, по настоянию, конечно, близких к Барышову лиц, прочитаны в одном обществе любителей и любительниц и знатоков литературы. Слушатели нашли, что некоторые, особенно патетические монологи и сцены переданы звучным, обработанным, свободно льющимся стихом, с силою и выразительностью, местами не недостойно подлинника. Переводчику аплодировали. Но тут же рядом встречались и важные недостатки: в некоторых местах, особенно в сценах между простыми лицами из народа, являлась та же необработанность, небрежность стиха, как и в переводах Корнеля - и местами тривиальность.

Неизвестно, появится ли этот перевод в печати: не прочитав его весь нельзя решать, приобретет ли он успех в публике и значение литературной заслуги перед судом критики, но во всяком случае он представит собою образец громадного терпения, трудолюбия и энергии, образец, достойный подражания для... более даровитых деятелей.

Вглядываясь в эту неугаданную, всю ушедшую на искание своего настоящего призвания жизнь, нельзя не пожалеть глубоко, что Барышов, в молодости, сразу не попал на свою дорожку, на путь исследователя, составителя каких-нибудь филологических, статистических, этнографических и т. п. научных трудов, где трудолюбие, терпение и энергия делают чудеса. Нельзя исчислить, какую массу - неблестящих, но реальных услуг наук могла бы совершить натура, одаренная его железной волей, умом и познаниями.

Как человек, Барышов был сосредоточенного, не общительного характера. Он был одинок, общества не посещал вовсе, изредка видясь с немногими из родственников и близких ему с молодости лиц.

Он был строгих правил чести, честности и редкой независимости характера, развившейся в нем до степени тонкой щекотливости. Жить в своем маленьком внутреннем мире, довольствоваться своими умеренными средствами, ни в кол не нуждаясь, ни морально, ни материально, не требуя ни чьей помощи, ни даже участия - было, вместе с силою воли

и трудолюбием, нравственной основой его природы. Как он жил, так и умер одиноко, в своем кабинете. Он не делился ни с кем своими радостями, если могли быть радости в этой бесплодно истраченной на одоление невозможного жизни, - и никому не навязывал своих страданиями, которых не могло не быть уже в одних постоянных разочарованиях, не говоря о других житейских невзгодах.